

Дополнение

Русская паремиология в типологической перспективе

Т. С. Зевахина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Пословицы, поговорки, паремиология, семантика, типология

Summary. Proverbs and sayings are typologically studied as a subsystem of the language phraseology. They are characterized by the highest level of creative potential based on cognitive mechanisms of image transitions. We propose a set of parameters describing this phenomenon and use them to conduct psychosemantic experiments, to construct a typological database, and to carry out cross-linguistic comparisons.

Фонд паремиологических единиц (или паремий) русского языка составляет множество тех речений, которые принято называть пословицами и поговорками. При попытке определить их статус в языке мы сразу же сталкиваемся с большим теоретическим разнобоем. На наш взгляд, паремии относятся к фразеологии языка, являясь той ее подсистемой, которая изначально отличается наибольшим творческим потенциалом.

Адекватное моделирование и типологическое изучение паремиологических единиц (ПЕ) могут осуществляться лишь на основе единообразного описания их особенностей. Но при этом важно не столько устанавливать жесткие априорные типы, «подводя под них» избранные языковые явления, сколько применять более гибкую методологию сплошного исследования живых фактов коммуникативной деятельности и определения их места в многомерном семантическом пространстве. Опираясь на опыт теоретической и практической паремиологии, а также на собственные типологические исследования, мы предлагаем своеобразную сетку **параметров**, в терминах которой можно характеризовать каждую данную паремию. Основные параметры таковы:

- Семантико-синтаксические функции ПЕ как целого;
- Формальный тип конструкции, лежащей в основе построения ПЕ;
- Лексическое наполнение ПЕ (лексико-грамматическая характеристика членов конструкции);
- Семантическая структура паремиологической фразы (синтагматические смысловые связи между ее составными частями, включая тема-рематическое членение, актуализированные валентности, семантические падежи, лексические параметры и др.);
- Инвариантная логическая структура ПЕ (логическое суждение, логические связки, тип логического противопоставления);
- Первичная когнитивная сфера ПЕ (прямой, или буквальный, план);
- Конкретный ситуативный фрейм буквального плана ПЕ;
- Семантические поля, в которые входят знаменательные слова ПЕ при ее прямой интерпретации;
- Семантический компонентный анализ ПЕ в ее буквальном плане;
- Речевая применимость / неприменимость ПЕ в ее прямой интерпретации;
- Вторичные когнитивные сферы ПЕ (переносные планы);
- Обобщенный ситуативный фрейм для переносных планов ПЕ и варианты его реализации;
- Семантические поля, в которые входят знаменательные слова ПЕ при ее переносных интерпретациях;
- Семантический компонентный анализ ПЕ в ее переносных планах;
- Характер образности членов конструкции и всей ПЕ в целом;

- Степень четкости семантического содержания ПЕ; полисемия членов конструкции и ПЕ в целом;
- Метафорические механизмы (обобщенные полисемические корреляции), лежащие в основе потенциальных переносных употреблений ПЕ;
- Тематика когнитивного обобщения, содержащегося в ПЕ (затрагиваемые рубрики тезауруса);
- Коммуникативный потенциал ПЕ на виртуальном уровне (иллокутивная сила, потенциальные коммуникативные цели, роли коммуникантов);
- Имплицированная информация, содержащаяся в ПЕ (пресуппозиции, косвенные речевые акты, коммуникативные имплициты, следствия, намеки, подтекст и др.);
- Поэтические средства организации содержания (ритм, рифма, параллелизм в конструкции, эпитеты, гиперболы и др.);
- Контекстные коммуникативные характеристики ПЕ, т. е. характеристики особенностей коммуникативной актуализации данной ПЕ при ее употреблении в конкретных контекстах речевого общения;
- Комплекс факторов экспрессивного слоя информации (субъективное отношение говорящего, например уничижительное или почтительное, стилистическая принадлежность ПЕ, например к книжному или разговорному стилю, и др.);
- Прагматический потенциал ПЕ (практические цели, ценностные ориентации, воздействие на сознание, регулятивы поведения, социальные установки, моральный кодекс и т. п.);
- Общезнакомый статус когнитивного содержания ПЕ (характеристика житейской мудрости с позиций философии жизни, философии поступка, философии познания, философии религии и др.);
- Общецивилизационные и национально-культурные факторы, отражаемые в ПЕ;
- Межкультурные семиотические параллели для данной ПЕ;
- Вариативность данной ПЕ;
- Наличие синонимов;
- Наличие у данной ПЕ других коррелятов;
- Итоговый типологический портрет ПЕ (как в аспекте внутриязыковой, так и в аспекте межъязыковой типологии).

Подобная система параметров отражает тенденцию современной науки к углублению и расширению исследований в рассматриваемой области. Опыт изучения паремий показывает, что они являются естественным богатейшим материалом для развития теории языковой картины мира и коммуникативной теории языка, в частности теории речевых актов.

Мы используем эти параметры при подготовке и проведении психолингвистических экспериментов на материале русского и других языков (в частности, китайского и дунганского), при исследовании когнитивных механизмов паремиологической образности, при моделировании коммуникативного функционирования пословиц и поговорок, при создании и развитии многоязычной Паремиологической базы данных.

Об экспериментальном подходе к русской лексикографии

Б. Ю. Городецкий

Московский государственный лингвистический университет
Лексикография, эксперимент, семантика, полевая лингвистика

Summary. Psycholinguistic semantic experiments are viewed as one of the most important sources of adequate lexicographic information. The experimental techniques designed by the author are aimed at discovering and describing all the properties of the entry word that are relevant for its structural and pragmatic representation in a dictionary. The author has been head of twenty expeditions where field research has been carried out on several languages as contrasted to Russian.

Один из важнейших методологических постулатов в интересующей нас области заключается в том, что «без экспе-

римента почти невозможно заниматься» лексикографией и что лишь с помощью экспериментирования можно надеять-

сты подойти к созданию «вполне адекватных действительности грамматики и словаря» (Л. В. Щерба). Эта идея стала реально укореняться в русистике только в последние десятилетия. Она соответствует сегодня общей ориентации нашей науки на речевое поведение носителей языка как на конечный критерий истинности лингвистических знаний.

Не только для малоизученного, но и для такого хорошо описанного языка, как русский, будет верным утверждение, что подача семантических свойств слов в разных словарях (а зачастую даже в одном и том же словаре) не подчиняется каким-либо единым принципам: однотипные слова могут иметь разнотипные наборы значений; их толкования могут строиться на разных основаниях; нередко слова, подаваемые как моносемантические, могут подозреваться в многозначности в силу аналогий с другими словами; не отличаются последовательностью и принципы подачи примеров. Только экспериментальный подход, базирующийся на системных принципах, дает надежный исходный пункт для устранения подобных непоследовательностей, позволяя проводить сплошное обследование лексики в фиксированных экспериментальных условиях и тем самым выявлять регулярные семантические соотношения. Эти регулярности, в свою очередь, дают возможность единообразно описывать сходные классы слов или даже разгружать основную часть словаря за счет вынесения регулярных семантических моделей в особые приложения (в первую очередь это относится к особенностям полисемии, словообразования и сочетаемости).

Существует много разновидностей экспериментальных методик, направленных на выявление различных сторон семантической способности носителей языка. Эксперименты могут строиться по типу жестких тестов или включать задания творческого характера, эксплуатировать механизмы ассоциации или предусматривать оценку степени приемлемости речевых отрезков (подготавливаемых с помощью приемов субституции, трансформации и т. п.), ориентироваться на процесс понимания или процесс вербализации. Но в любом случае включение семантических экспериментов в парадигму лексикографической деятельности требует системного подхода к их организации. Это означает, что должна идти речь о **системе экспериментов**, обеспечивающих получение исчерпывающей информации для словаря определенного типа. Особенно желательны эксперименты, нацеленные на конкретные зоны словарной статьи (толкование, экспрессивно-стилистические пометы, синтагматические или парадигматические свойства единиц и т. д.). **Экспериментально ориентированная лексикография** понимается нами как целенаправленная семантическая инвентаризация языка через эксперименты с участием информантов.

Излагаемые в настоящем докладе принципы и методики экспериментальной семантики разработаны автором в ходе подготовки и проведения двадцати экспедиций по лексикографии и семантической типологии малоописанных языков

народов СССР с участием сотрудников, студентов и аспирантов отделения теоретической (структурной) и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Кроме того, проведено более десяти циклов лексикографических экспериментов по русскому языку в рамках научно-исследовательских проектов и учебной практики в МГУ и в МГЛУ. Большинство циклов экспериментов были преимущественно ориентированы на определенные виды словарной информации. Однако постепенно разрабатывался комплекс методик, обеспечивающих построение развернутого семантического словаря, то есть словаря, содержащего подробные сведения об основных семантических свойствах слова. Методики, отраженные в **инструкциях экспериментальной семантической работы**, носят универсальный характер, а специфика того или иного языка учитывается в приложениях к этим инструкциям. Методики учитывают **дополковую, собственно полевою и постполевою стадии работы**.

В самом общем виде сущность нашего подхода к проблеме сводится к эксперименту, в ходе которого информант получает от исследователя заранее подготовленное задание, и результат его выполнения строго фиксируется. В большинстве наших методик результатом эксперимента является некоторое множество предложений, содержащих интересующие нас явления. При создании методик мы опирались на постулат о тесной взаимозависимости парадигматических и синтагматических свойств семантических единиц, а также на данные семантической типологии языков. Часто в работе максимально используются методические возможности **дистрибутивных тестов** (опирающихся на тезаурусную структуру лексикона). В этом случае в качестве речевых стимулов выступают составляемые исследователем гипотетические сочетания языковых знаков. Данный тип экспериментов имеет много разновидностей и позволяет строить **исследовательские стратегии**, направленные преимущественно либо на синтагматические, либо на парадигматические зоны словарной статьи.

Главный вид получаемых материалов – это **протоколы экспериментов**, дающие в совокупности **корпус** экспериментально полученных предложений с изучаемыми лексическими единицами («отрицательный материал» выводится автоматически из сопоставления заранее подготовленных диагностических материалов эксперимента и реальных протоколов). Этот корпус лежит в основе постоянно пополняемой Базы данных Семантического словаря.

В докладе иллюстрируется эффективность экспериментальных методик, нацеленных на заполнение таких зон словаря, как полисемия, синонимия, антонимия, регулярная сочетаемость, фразеология и другие. Кроме собственно лексикографического применения экспериментальных данных, они служат адекватной базой для сопоставительно-семантических исследований.